

Годъ изданія седьмой.

МАЙ.

№ 14.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ МАЙСКІЙ ПОЛДЕНЬ (стих.).
ВСТРѢЧА.
ВЪ ЖАРУ (стих.).
ГДѢ МОЯ МАМА? (повѣсть).
ВЕШНИЕ ЛУЧИ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Шалунъ.

ВЪ МАЙСКІЙ ПОЛДЕНЬ.

Майскій полдень пышетъ жаромъ,
Хочешь выйдемъ на лужокъ,
Отдохнемъ подъ дубомъ старымъ,
Изъ цвѣтовъ сплетемъ вѣнокъ?
Запахъ спѣлой земляники
Вѣтерокъ съ собой принесть,
Перевитый хмелемъ дикимъ,
Серебрится стволъ березъ.
Лугъ цвѣтами разукрашенъ,
Голубѣютъ васильки,
Изумрудъ далекихъ пашенъ
Протянулся вдоль рѣки.

Вотъ и тучки набѣжали;
Потемнѣло вдругъ въ лѣсу.
Капли первая упали...
Переждемъ-ка здѣсь грозу!
Подъ шатромъ вѣтвей тѣнистыхъ
Не промочить дождикъ насъ...
Сколько капель чистыхъ, чистыхъ
Виснетъ съ листьевъ, какъ алмазъ!
Бушевать гроза устала,
Громъ умчался далеко...
Какъ свѣтло и чисто стало!
Ахъ, какъ дышется легко!

Е. Оберучева.

ВСТРѢЧА.

Павликъ, какъ говорится, родился въ сорочкѣ: онъ былъ единственный сынъ, всѣ его баловали, а мать и отецъ не чаяли въ немъ души. Ему пошелъ всего только восьмой годъ, онъ былъ розовенькій, пухленькій мальчикъ съ большими русыми волосами, падавшими ему кольцами на плечи,—и это давало ему большое сходство съ ангелочкомъ. Какъ-то незаметно онъ выучился кататься на конькахъ и всѣмъ было пріятно видѣть на льду его толстенькую фигурку, одѣтую въ бѣлую курточку и бѣлую шапку, изъ подъ которой высыпались бѣлокुरые волосы и развивались на легкомъ, зимнемъ воздухѣ.

Его всегда сопровождалъ его двоюродный братъ Федя — мальчикъ лѣтъ одиннадцати, который жилъ въ сосѣдней усадьбѣ. Каждый разъ, какъ выпадалъ хорошій денекъ, Федя заходилъ за Павликомъ и они отправлялись или лѣпить снѣговую бабу, или-же кататься на конькахъ.

— Вы-жъ далеко не уходите! предупредила ихъ мать.

Въ тотъ годъ стояла тоскливая, безснѣжная зима. Рѣка давно уже замерзла, ея ледяная поверхность блистала, какъ зеркало, но снѣгъ все не выпадалъ и не выпадалъ. Мальчики уже давно катались на конькахъ, но имъ не хватало именно снѣгу. И вдругъ онъ вы-

паль. Все вдругъ побѣлѣло, приобрѣло какую-то удивительную чистоту, въ воздухѣ какъ-то особенно вдругъ запахло, и теперь уже для всѣхъ было ясно, что станетъ прочная, снѣжная зима.

— Время—свое возьметъ! говорила прислуга.—Ужъ безъ снѣга дѣло не обойдется никогда!

И полный какого-то особеннаго восторга, Павликъ сидѣлъ у окна и нетерпѣливо ожидалъ, когда зайдетъ за нимъ Федя, чтобы вмѣстѣ отправиться на берегъ. Передъ нимъ тянулся паркъ съ побѣлѣвшими и ставшими, какъ пуховыя подушки, куртинами, далѣе голубѣла рѣка, сотнями изгибовъ ушедшая въ лѣсъ, а надъ лѣсомъ висѣла тяжелая, синяя туча, отъ которой опять, вѣроятно, пойдетъ снѣгъ. Всѣ деревья были въ вѣ зимнемъ серебрѣ и это придавало имъ и всей мѣстности какой-то особый, сказочный видъ.

— Поскорѣе приходиль-бы Федя! томился Павликъ.

Но вотъ показался и Федя. Онъ не одинъ. Съ нимъ еще какой-то незнакомый мальчикъ. Оба остановились передъ домомъ и замахали руками Павлику. Павликъ быстро одѣлся, взялъ коньки и выбѣжалъ къ нимъ на встрѣчу.

— Это—Вася!.. указалъ Федя на незнакомаго мальчика.—Пойдемте къ рѣкѣ!

Всѣ взяли за руки и, вкусно

хрустя ногами по молоденькому снѣгу, отправились на берегъ.

— А на льду снѣгу-то нѣтъ! удивился Федя.

— Это оттого, объяснилъ Вася,— что его за ночь сдуло вѣтромъ.

Они надѣли коньки и отправились кататься. Описавъ нѣсколько восьмерокъ, они опять взяли за руки и покатали вдоль рѣки.

— Знаете, что? вдругъ предложилъ Вася.— Давайте на переронки!

И прежде чѣмъ ему успѣли отвѣтить Федя и Павликъ, онъ снялся съ мѣста и помчался впередъ. Оба вскрикнули и побѣжали за нимъ вдогонку. Рѣка была чрезвычайно извилистая и уходила въ лѣсъ, которому, какъ говорила няня, не было конца, но задоръ охватилъ Федю и Павлика и они уже и не замѣтили, какъ перескочили черезъ ту завѣтную черту, дальше которой имъ переступать не позволялось.

— „Ну ничего!“ подумалъ Федя.— „Насъ теперь трое! Не страшно!“

Вася все дальше и дальше уходилъ отъ нихъ на конькахъ, то скрываясь за поворотомъ рѣки, то показываясь снова, и это подзадоривало ихъ и они, забывъ обо всемъ на свѣтѣ, напрягли всѣ свои усилія, чтобы его догнать, и мчались за нимъ, какъ вѣтеръ.

Вотъ уже скрылась изъ виду мельница съ плотиной, вотъ мельк-

нула избушка лѣснаго сторожа съ лодкой, вытащенной на берегъ, вотъ то мѣсто, гдѣ когда-то, еще въ третьемъ году, были пиеникомъ и пили чай; а затѣмъ потянулся по обоимъ берегамъ рѣки все лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ, старый, заросшій, на бѣловатомъ фонѣ котораго то тамъ, то здѣсь, появились громадныя, темныя ели и высокія, точно колонны, сосны.

Вася убѣгалъ все дальше и дальше, за нимъ гнались Феця и Павликъ и разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ усадьбы, становилось все больше и больше и наконецъ все, напоминавшее о ней, скрылось изъ виду совсѣмъ.

— Уфъ, не могу больше! остановился Павликъ и взялся рукою за грудь.—Усталъ!

И тяжело дыша, онъ побрелъ къ берегу, чтобы сѣсть на его выступъ и отдохнуть.

— Подожди меня здѣсь! крикнулъ ему Федя и, увлекшись, помчался за Васей.

Синяя туча заволокла уже все небо, стала сѣрой и задулъ рѣзкій, непрошенный вѣтеръ. Замелькали въ воздухѣ снѣжинки. Павликъ зналъ, что потному нельзя было оставаться на воздухѣ безъ движенія, и, отдохнувъ немного, снова отправился въ путь.

— Федя! Вася! крикнулъ онъ.—Вернитесь! Пора!

Но они ему не отвѣтили. Очевидно, они были уже далеко. Пав-

ликъ поѣхалъ тихонько вслѣдъ за ними, надѣясь, что они скоро вернуться и поведутъ его домой; но они не возвращались. И вдругъ Павликъ остановился въ недоумѣніи.

„Куда-же теперь ѣхать!“ подумалъ онъ.

Передъ нимъ рѣка развѣтвлялась на двое: среди лѣса въ нее впадалъ притокъ, и теперь Павликъ уже не зналъ, по какому направленію ѣхать.

— Поѣду вправо! рѣшилъ онъ и покатилъ по льду притока.

Но онъ проѣхалъ довольно далеко и не встрѣтилъ никого.

„Должно быть, я ошибся“... подумалъ онъ.— „Надо было-бы ѣхать влѣво!“

Онъ вернулся до того мѣста, съ котораго свернулъ, и поѣхалъ влѣво. Но и здѣсь его не встрѣтилъ никто. Было ясно, что въ то время, когда онъ уѣхалъ вправо, мальчики вернулись и, не найдя его, помчались къ тому мѣсту, гдѣ оставили его у берега одного. Онъ испугался.

— Вася! Федя! крикнулъ онъ во весь голосъ.

— Вася! Федя! отвѣтило ему эхо.

Онъ схватился за сердце, и побѣжалъ въ страхѣ назадъ, потомъ впередъ, а кругомъ него уже гудѣлъ отъ вѣтра вѣтвями лѣсъ, мелькали снѣжинки и готова была начаться метель. Не помня себя отъ страха, онъ кричалъ, но вѣтеръ

уже разносилъ его голосъ, и за шумомъ лѣса ему уже нельзя было услышать голоса Васи и Феда, если они ему тоже кричали. Ноги его еле несли. Усталость сковывала его члены, и сердце билось отъ страха и отъ одышки. Онъ сѣлъ на снѣгъ, снялъ съ себя коньки, и ему стало легче идти. Теперь ужъ онъ не бѣжалъ, а шель и по мѣрѣ того, какъ проходило время, становилось все сумрачнѣе и темнѣе и снѣгъ уже плотной целеной закрылъ собою все: и лѣсъ, и рѣку,—и все слилось въ одну общую, мутную, непроницаемую мглу.

— Федя! Федя! кричалъ Павликъ и уже не шель, а брель. Теперь ему было уже холодно, хотѣлось присѣсть и отдохнуть, но сознание опасности придавало ему силы и онъ не давалъ себѣ воли и уже не разбиралъ ни направленія, ни дороги, а только шель туда, куда глядѣли его глаза.

А затѣмъ вѣтеръ загудѣлъ еще сильнѣе, метель завывала со всѣхъ сторонъ и стало вечерѣть. Во всемъ лѣсу Павликъ былъ совершенно одинъ, не зналъ, что дѣлать, и наконецъ выбился окончательно изъ силъ и опустился на снѣгъ.

— Федя! Федя! закричалъ онъ въ послѣдній разъ, чувствуя, какъ сталъ ослабѣвать его голосъ.— Гдѣ вы?

И вдругъ около него раздался чей-то грубый голосъ:—

— Кто тамъ кричить?

Павликъ обрадовался и въ тоже время испугался.

— Это я... робко отвѣтилъ онъ.

Сквозь сумракъ вечера и пелену снѣга появилась фигура крестьянина. Онъ былъ въ рукавицахъ, овчинномъ тулупѣ и топоръ былъ засунутъ у него за поясъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ онъ.— Зачѣмъ ты сидишь здѣсь на льду?

Мальчикъ вскочилъ на ноги.

— Я здѣсь одинъ... отвѣтилъ онъ жалобно.—Заблудился... Меня оставили Федя и Вася...

— Федя и Вася? переспросилъ крестьянинъ.—Какой это Федя и Вася? Да ты, малый, откуда? Какъ ты сюда попалъ?

— Я изъ Нескучнаго, отвѣтилъ Павликъ.—Мы катались на конькахъ...

— Изъ Нескучнаго? Значить, ты сынъ барина Петра Сергѣича?

— Да...

Мужикъ покачалъ головой.

— Ахъ, вы баловники!.. сказала онъ.—Ну, пойдёмъ, я выведу тебя на дорогу!

Онъ взялъ Павлика за руку и повелъ его въ лѣсъ. Онъ шель быстро и темная мгла скоро закрыла отъ Павлика рѣку совсѣмъ. Они пробирались сквозь кустарники, перелѣзали черезъ упавшія

деревья, вступали ногами прямо въ снѣгъ, наполнившій впадины и канавки, такъ что онъ засыпался Павлику даже въ башмаки, и наконецъ выбрались на дорогу.

— Вотъ, здѣсь!.. сказалъ мужичокъ.—Пойдемъ, я доведу тебя еще и до перекрестка.

Они прошли еще нѣкоторое время и дошли наконецъ до перекрестка.

— Ну, вотъ! сказалъ мужичокъ.—Вотъ тебѣ и дорога! Такъ все по ней иди и иди и не сворачивай никуда. Какъ разъ придешь къ себѣ въ усадьбу. Не бойся ничего! Никто не тронетъ! Такъ себѣ все иди и иди!

Онъ оставилъ его одного и зашагалъ назадъ. Скоро его фигура скрылась въ вечернихъ сумеркахъ и кругомъ съ новой силой задулъ вѣтеръ и закружилась метель. Но Павликъ теперь уже не боялся ничего. Онъ зналъ, что находится уже на точномъ пути домой, и, хотя былъ далеко, но бодро и смѣло двинулся въ путь. Усталость давала себя чувствовать, онъ раза два или три падалъ прямо въ снѣгъ, но тотчасъ-же поднимался и шелъ далѣе. Мрачныя ели протягивали къ нему свои лапы, встрѣчный вѣтеръ ослѣплялъ его снѣгомъ, но онъ уже не боялся ничего и только пожимался отъ холода, и все шелъ и шелъ поскорѣе къ себѣ домой.

А въ это время тамъ его уже

искали. Возвратившіеся мальчики въ ужасѣ сообщили его матери и отцу, что Павликъ у нихъ пропалъ, и вся усадьба была поднята на ноги. Начались плачь и стenanія, были зажжены фонари, освѣщена вся усадьба и еще долго по рѣкѣ раздавались голоса, искавшихъ Павлика людей и, какъ туманныя пятна, мелькали тамъ и сямъ по берегамъ рѣки огни. Но его не находили нигдѣ.

Еще въ то время, какъ Павликъ стоялъ въ усадьбѣ у окна и поджидалъ къ себѣ Федю, въ другомъ мѣстѣ, и тоже у окна, стоялъ другой мальчикъ и тоже кого-то поджидалъ. Комната была маленькая, темная и холодная, въ щели окошка дулъ вѣтеръ, и при его порывахъ то и дѣло отворялась дверь и начинала хлопать. Въ печи давно уже не было огня и кругомъ царила крайняя безысходная нужда. Мальчикъ сидѣлъ, подперши подбородокъ кулачкомъ, и читалъ засаленную книжку. Ему было лѣтъ десять, но онъ былъ такъ худъ, что казался на видъ моложе.

Было холодно. Чтобы согрѣться, онъ то и дѣло пожималъ плечами и засовывалъ руки въ карманы. Около него на подоконникѣ сидѣло какое-то странное подобіе кошки—однѣ только кожа да кости. Кошка хрумкала, прижималась къ нему, и онъ тогда проводилъ рукою по ея спинѣ.

— Вотъ бы намъ тоже попасть

туда! проговорилъ онъ, отрываясь отъ чтенія и мечтательно глядя на начавшуюся уже метель.— Вотъ-бы и мнѣ тоже встрѣтить ангела!

Онъ читалъ сказку о томъ, какъ бѣдный голодный, бездомный мальчикъ, не имѣвшій, гдѣ преклонить голову, былъ изгнанъ изъ дому безжалостными людьми, у которыхъ жилъ изъ милости. Онъ отправился, куда глядѣли его глаза, и вдругъ, въ страшную метель, встрѣтилъ на дорогѣ въ лѣсу прекраснаго ангела съ бѣлокурыми волосами, который сжалился надъ нимъ и сказалъ ему:—„Пойдемъ со мною!“ Они взяли за руки и пошли. Ангелъ привелъ его въ рай, гдѣ было такъ прекрасно и такъ тепло, и гдѣ его встрѣтили ласка и привѣтъ.—„Оставайся здѣсь у насъ навсегда,“ сказалъ ему ангелъ.—„Хорошо“, отвѣтилъ ему мальчикъ,—„это мнѣ будетъ наградою за мою тяжелую, одинокую жизнь!“ И онъ остался на небѣ и для него потянулись длинные, радостные дни, какихъ онъ не зналъ доселѣ и какихъ никогда не видалъ даже во снѣ.

— Вотъ-бы намъ, Мурка, попасть тоже туда!.. повторилъ мальчикъ и опять мечтательно поглядѣлъ въ пространство.

Послышались тяжелые шаги и въ комнату вошла грязная оборванная старуха. Она сняла съ себя котомку съ огрызками чернаго

хлѣба, который насбирала по міру, и положила ее на лавку.

— Почему печка не истоплена? грубо спросила она.

— Дровъ нѣтъ... тихо отвѣтилъ мальчикъ.

— А ты пошелъ-бы, да посбиралъ!.. Все читаешь, точно баринъ какой!..

— Я и то хотѣлъ, тетенька, да снѣгъ выпалъ.. Все занесло!

Онъ быстро свернулъ сказку въ трубочку и сунулъ ее къ себѣ въ карманъ.

— Дай ее сюда! крикнула старуха строго.— Давай сейчасъ-же ее сюда!

Онъ ни за что не хотѣлъ разстаться съ книжкой и прижался къ стѣнѣ. Она схватила подвернувшійся ей подъ руку рваный сапогъ и со всего размаха швырнула имъ прямо ему въ лицо. Затѣмъ она подошла къ шкафчику.

— Почему шкафъ открытъ? крикнула она.—Здѣсь лежалъ кусочекъ колбасы, гдѣ онъ? Это ты его съѣлъ?

У мальчика похолодѣло подъ сердцемъ. Онъ видѣлъ только недавно, какъ облизывалась его голодная кошка.

— Это все она, твоя кошка! крикнула визгливо старуха и, схвативши кошку, подмяла ее подъ себя и стала ее тыкать мордой объ полъ.

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! приговаривала она.

Концертъ.

Въ полдень.

Онъ не могъ видѣть, когда били животныхъ. Онъ закрылъ руками лицо, заметался по комнатѣ, сталъ плакать и не зналъ, что дѣлать. А она стала уже бить кошку и все приговаривала:—Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ!

— Тетенька! Оставьте ее! крикнулъ онъ и, осмѣлившись, подбѣжалъ къ кошкѣ.—Она не виновата! Это я лазилъ въ шкафъ и забылъ его запереть.

— А, это ты?!

Она выпустила изъ рукъ кошку и набросилась уже на него.

Онъ схватилъ кошку на руки и выбѣжалъ съ нею изъ избы. Она пустила ему вдогонку все тотъ же сапогъ и заперла за нимъ дверь на крючокъ.

— Вонъ изъ моего дома! крикнула она.—Не смѣй больше возвращаться назадъ!

Онъ былъ для нея совершенно чужой, былъ круглымъ сиротой, зналъ, что она всегда тяготилась имъ, и теперь для него было ясно, что она выгнала его совсѣмъ. Прижимая къ себѣ кошку, онъ прошелъ опустѣвшей деревней и вышелъ въ поле. Передъ нимъ тянулась снѣжная равнина, по которой носились теперь цѣлыя облака снѣга, было уже темно и онъ шелъ и самъ не зналъ куда. Ему было холодно, но онъ думалъ объ ангелѣ, о которомъ прочиталъ въ сказкѣ и не замѣчалъ ничего, что вокругъ него происходило.

— Вотъ-бы намъ встрѣтить его! мечталъ онъ вслухъ, обращаясь къ кошкѣ.

А кругомъ него уже бушевала метель. Снѣгъ засыпался ему за шею и въ рукава, таялъ тамъ и мальчику было холодно вдвойнѣ. Онъ все шелъ и шелъ, едва разбирая дорогу, и наконецъ вошелъ въ лѣсъ. Здѣсь было уже совсѣмъ темно и, какъ и къ Павлику, къ нему стали протягивать свои вѣтви темныя ели. Кошка крѣпко прижалась къ нему и грѣла ему бокъ, но ему все-таки было мучительно холодно, ноги его заплетались, онъ прошелъ уже версты три, усталъ и наконецъ, голодный и иззябшій, повалился всѣмъ тѣломъ на снѣгъ.

— Боженька, прошепталъ онъ,— пошли мнѣ ангела!..

И онъ впалъ въ полузабытье.

Кошка выползла у него изъ-за пазухи и пощупала лапкой снѣгъ; онъ подался подъ нею. Она жалобно замыкала и снова подлѣзла мальчику запазуху. Онъ слабо прижалъ ее къ себѣ и снова прошепталъ:—

— Боженька, не оставь меня здѣсь одного, пошли мнѣ ангела!..

И вдругъ онъ услышалъ, что кто-то недалеко отъ него идетъ. Онъ испугался и всталъ на колѣни. Сквозь сумракъ онъ увидалъ маленькую, бѣлую фигурку съ большими русыми волосами, которая направлялась прямо къ нему. Пс-

явленіе ея въ такую пору, въ такую погоду и въ такомъ пустынномъ мѣстѣ показалось ему настолько страннымъ и чудеснымъ, что онъ еще тѣснѣе прижалъ кошку къ себѣ и такъ и застылъ безъ движенія. Бѣлое видѣніе подходило къ нему все ближе и ближе и наконецъ остановилось около него и съ удивленіемъ посмотрѣло на него своими большими, наивными голубыми глазами.

— Это Ангель!.. обрадовался мальчикъ.— Это онъ!..

— Ты что здѣсь лежишь? обратился къ нему Павликъ.— Ты нездоровъ?

Мальчикъ едва имѣлъ силъ говорить.

— Я озябъ, отвѣтилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.— Мнѣ хочется кушать... У меня нѣтъ никого родныхъ и я не знаю, куда идти...

— А это у тебя что?

— Кошка... Намъ обоимъ некуда идти...

Глаза Павлика блеснули восторгомъ. Значитъ, теперь онъ можетъ идти въ такую пору не одинъ.

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ со мною! воскликнулъ онъ.— У насъ тепло и хорошо!.. Тебѣ дадутъ поѣсть... Пойдемъ поскорѣ!..

Мальчикъ радостно улыбнулся.

— А туда съ кошкой можно? спросилъ онъ.

— Можно, отвѣтилъ Павликъ.— Пойдемъ-же скорѣ, а то меня тамъ уже давно ждуть и беспокоятся.

Онъ взялъ мальчика за руки и приподнял его съ земли.

Мальчикъ поднялся и посмотрѣлъ на Павлика. Онъ различилъ въ темнотѣ бѣлизну его одежды и длинные волосы, онъ услышалъ его ласковый голосъ и почувствовалъ на своей рукѣ пріятную теплоту его руки—и еще больше убѣдился, что это дѣйствительно былъ ангель.

„Это онъ!“ подумалъ онъ.— „Боженька сжалился надо мной и послалъ его ко мнѣ“...

И боясь проронить хоть одно слово, чтобы не отпугнуть имъ отъ себя прекрасное видѣніе, онъ молча послѣдовалъ за Павликомъ.

Скоро впереди засвѣтились привѣтливые огни усадьбы. Прильнувъ лбомъ къ стеклу, у окна стояла полная безпокойства мать Павлика и съ тревогой вглядывалась въ темноту; въ уголку, весь въ слезахъ, сидѣлъ Федя; папа въ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и прислушивался къ каждому звуку. Всѣ домашніе были посланы на поиски. И вдругъ мама увидала въ темнотѣ что-то бѣлое, подходившее къ дому. Сердце у нея радостно забилося, она вскрикнула и стала затѣмъ креститься.

— Пришелъ!.. воскликнула она.

— Гдѣ? Гдѣ? спросили въ одинъ голосъ папа и Федя.

И всѣ бросились къ Павлику на встрѣчу. Онъ важно вошелъ

въ переднюю и ввелъ съ собою и незнакомаго мальчика. Оба зажмурились отъ прыснувшаго имъ въ глаза яркаго свѣта. Мать бросилась къ Павлику на шею и стала покрывать его поцѣлуями.

А когда улегся немного первый порывъ безумной радости, то папа подошелъ къ мальчику съ кошкой и положилъ ему руку на плечо.

— Гдѣ ты нашелъ нашего сына, мой милый? ласково обратился онъ къ нему.

Не знавшій ничего и видѣвшій воочию, какъ жадно цѣловали Павлика отецъ и мать, мальчикъ почувствовалъ себя, какъ въ раю, опустилъ глаза и робко отвѣтилъ:—

— Это не я, а онъ меня нашелъ... Онъ взялъ меня съ собою и повелъ...

Но тутъ въ глазахъ у него вдругъ запрыгали лампы, все кругомъ затанцевало, въ ушахъ зашумѣло и голоса стали слышаться такъ, точно раздавались гдѣ-то далеко-далеко. Онъ выпустилъ изъ рукъ кошку, покачнулся и сталъ цѣпляться за стѣнку. Кто-то поддержалъ его, а затѣмъ все смѣша-

лось у него въ головѣ и онъ лишился сознанія.

А когда онъ снова пришелъ въ себя и открылъ глаза, то увидѣлъ себя въ чистой, мягкой постели, въ свѣжемъ бѣльѣ, и около него сидѣла няня Павлика, держала на колѣняхъ его кошку и гладила ее.

— Очнулся? спросила она и ласково приложила ему руку ко лбу.— Ну, лежи, лежи, не вставай!.. Сейчасъ я принесу тебѣ поѣсть.

Она поднялась и направилась къ выходу.

— Гдѣ я? спросилъ онъ.— Въ раю?..

— Да, да, въ раю! усмѣхнулась она.

— А меня отсюда не прогнать?

— Нѣтъ, ты останешься здѣсь совсѣмъ. Баринъ приказалъ, чтобы ты остался у насъ навсегда!

Онъ услышалъ эти слова, не повѣрилъ своимъ ушамъ и оглядѣлся по сторонамъ.

А затѣмъ онъ сталъ отъ радости смѣяться. Смѣяться и плакать. Няня поглядѣла на него, проследила и сама, и вышла изъ комнаты.

М. Б—скій.

ВЪ ЖАРУ.

Посмотри, какъ славно тутъ!
Зеленѣетъ травка ярко,
Розы, ландыши цвѣтутъ,
Тишина въ аллеяхъ парка!..
Съ неба солнышко глядитъ,
Зрѣютъ гроздья земляники,
Пчелка кружится, гудитъ
Межъ цвѣтами павилики...

Посмотри-ка,—за плетнемъ
Колосится рожь густая;
Наслаждаясь лѣтнимъ днемъ,
Мотыльковъ несется стая;
Рѣзвыхъ мошекъ хороводъ
Межъ вѣтвей душистыхъ вѣтается,
Чистъ, прозраченъ неба сводъ,
Солнце ясное смѣется!..

А. Н.

ГДѢ МОЯ МАМА?

ПОВѢСТЬ.

Маленькаго Марка собрали въ дорогу, связали въ узелокъ бѣлье, дали ему хлѣба, и сунули ему нѣсколько грошей въ карманъ, и въ одинъ апрѣльскій вечеръ онъ уже стоялъ на палубѣ парохода.

— Не унывай, говорилъ ему на прощанье отецъ.— Бодрись! Дѣло твое святое! И да поможетъ тебѣ Богъ!

Бѣдняжка Маркъ! Онъ былъ смѣлъ, заранѣе предвидѣлъ предстоящія ему трудности, но, когда на горизонтѣ скрылась его родина, и онъ очутился въ открытомъ морѣ совершенно одинъ, среди массы чуждыхъ ему пассажировъ-переселенцевъ, съ однимъ только мѣшкомъ, въ которомъ заключалось все его имущество, то онъ не

устоялъ и имъ овладѣли уныніе и страхъ. Цѣлые двое сутокъ онъ пролежалъ на палубѣ, ничего не ѣлъ, не пилъ и все плакалъ.

— Напрасно ѣдешь, шепталъ ему какой-то тайный голосъ.— Твоя мать умерла.

Маркъ былъ италіанскій крестьянинъ. Семья его отца состояла изъ пяти дѣвочекъ и одного только мальчика. Всѣхъ нужно было кормить, заработки стали плохіе и два года тому назадъ случилось такъ, что цѣлую недѣлю негдѣ было взять куска хлѣба и всей семьѣ пришлось голодать.

И вотъ мать Марка шла однажды по улицѣ, опустивъ голову и не зная, что дѣлать, какъ вдругъ кто-то ее окликнулъ.

— Куда ты идешь?

Она отвѣтила, что цѣлый день искала работы, да такъ и не нашла.

— Зачѣмъ-же стало дѣло? продолжалъ прохожій. — Поѣзжай въ Южную Америку, въ Аргентину! Тамъ ты всегда найдешь себѣ работу!

Онъ далъ ей адресъ той конторы, которая доставляла изъ Италіи рабочихъ въ Аргентину, и пошелъ своей дорогой.

Она пришла домой радостная и веселая. Стали обсуждать дѣло, поговорили, посоветовались, — и рѣшили, что она должна ѣхать въ Аргентину.

— Поѣзжай, Юзефа! сказалъ мужъ. — Все таки хоть что-нибудь заработаешь!

Со страхомъ и трепетомъ Юзефа отправилась въ контору, записалась тамъ въ переселенки и ей выдали бесплатный билетъ на проѣздъ на пароходѣ до самой Аргентины.

Разставаясь со своими дѣтьми, она проливала горячія слезы, но уѣхала полная мужества и надеждъ впереди.

— Не горюй, сказалъ ей мужъ, провожая ее въ путь. — Богъ дастъ все обойдется хорошо!

Путешествіе Юзефы было удачное. Какъ только она прибыла въ Буэносъ-Айресъ, такъ тотчасъ-же нашла себѣ хорошее мѣсто въ одной богатой испанской семьѣ

синьора Мекинецъ, жившаго въ Буэносъ-Айресѣ на улицѣ Артесть въ домѣ № 175. Ей дали приличное жалованье и не очень принуждали ее къ работѣ. Юзефа поступила на мѣсто подъ вымышленной фамиліей Лючіи Донато, такъ какъ совѣстилась своего положенія кухарки и боялась унизить свою семью тѣмъ, что нанялась въ домашнія прислуги.

— Пишите мнѣ не на мое имя, писала она своимъ на родину, — а на имя Лючіи Донато. Я получу каждое ваше письмо.

— „Это должно быть, кто-нибудь изъ ея новыхъ знакомыхъ“... подумалъ ея мужъ. — „Эта Лючія Донато, вѣроятно, и передаетъ ей наши письма“...

Вся семья скучала по уѣхавшей и утѣшала себя надеждой, что она скоро вернется, одинъ только младшій сынъ Маркъ никакъ не могъ сжиться съ этой разлукой и сильно тосковалъ по матери.

Годъ спустя, мать въ двухъ словахъ сообщила, что здоровье ея пошатнулось, и затѣмъ уже больше не было получено отъ нея ни одного письма.

Первою мыслью отца было поѣхать въ Аргентину самому и отыскать тамъ свою жену. Но кто же тогда сталъ бы работать дома безъ него, уплачивать долги и содержать семью? Такъ и стали отецъ съ Маркомъ жить со своимъ горемъ, по цѣлымъ часамъ молча

глядя другъ на друга, или же въ который уже разъ вспоминая о матери.

Какъ вдругъ Маркъ рѣшительно однажды заявилъ:

— Я поѣду въ Аргентину разыскивать свою мать одинъ!

Отецъ покачалъ головой. Развѣ можно мальчику въ 12 лѣтъ пускаться такъ далеко одному! Вѣдь туда пароходъ идетъ чуть не цѣлый мѣсяцъ! Но мальчуганъ настаивалъ, и кончилось дѣло тѣмъ, что отецъ пересталъ ему возражать.

— Что со мной сдѣлается на пароходѣ? доказывалъ мальчикъ.— Что, меня на немъ съѣдятъ, что ли? А пріѣхавъ въ Буэносъ-Айресъ, развѣ я не сумѣю найти улицу Артесъ и домъ № 175? А найду этотъ домъ, значитъ найду и маму!

Отецъ сталъ сдаваться. Послѣ долгихъ колебаній онъ далъ наконецъ свое согласіе и было рѣшено, что мальчикъ отправится на поски за матерью одинъ. Нашли какого-то знакомаго матроса на какомъ то пароходѣ, отправлявшемся въ Аргентину, попросили его выхлопотать для Марка бесплатный билетъ III-го класса, — и мальчикъ поѣхалъ.

— Пиши намъ! крикнулъ ему отецъ.

Пароходъ отчалилъ и закачался по волнамъ Средиземнаго моря. Все для Марка было интересно и занимательно въ пути, но какая-

то странная, безотчетная тоска овладѣвала его сердцемъ: ему было тяжело разстаться съ отцомъ и съ сестрами, которыя, прощаясь съ нимъ, смотрѣли на него такъ пугливо, точно уже не вѣрили, что онъ когда-нибудь вернется назадъ; съ другой стороны его пугала мысль, что онъ не найдетъ матери въ Аргентинѣ или, что еще хуже, не застанетъ ее тамъ въ живыхъ.

— Господи, помоги мнѣ! шепталъ онъ и поднималъ глаза къ небу.— Дай мнѣ счастливо доѣхать и разыскать мою маму!

Прошли черезъ Гибралтарскій проливъ и вышли въ Атлантическій океанъ. Увидѣвъ его ширь, Маркъ воспрянулъ духомъ и въ его душѣ вновь пробудились бодрость и надежда.

Изъ воды выпрыгивали красивыя летучія рыбы и падали на пароходъ. На закатѣ солнца облака вспыхивали въ пурпурный и огненный цвѣта. Ночью вся поверхность океана свѣтилась, точно расплавленная лава. Все это казалось Марку не дѣйствительностью, а волшебнымъ сномъ.

Бывали и такіе дни, когда отъ нестерпимой жары все море казалось желтымъ, томила тоска и пассажиры неподвижно валялись на скамьяхъ, точно мертвые. Въ такіе дни казалось, что путешествію не будетъ конца: море и небо, небо и море, сегодня, какъ

вчера, завтра — какъ сегодня, и такъ безъ конца.

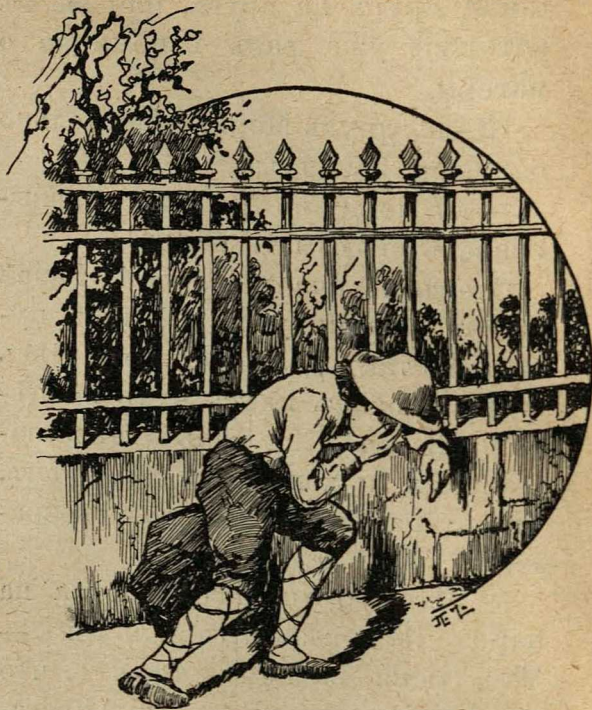
И мальчикъ цѣлые часы простаивалъ у борта, смотрѣлъ на море, думалъ о матери, и такъ до тѣхъ поръ, пока глаза его не заволакивались, голова не падала на грудь и онъ не засыпалъ. И всякій разъ во снѣ какой-то таинственный голосъ шепталъ ему на ухо:

— Напрасно ѣдешь. Твоя мать умерла.

Мальчикъ вздрагивалъ и просыпался. И такъ продолжалось 27 дней. Но послѣдняя недѣля была интересна для Марка. По-

Неужели онъ заѣхалъ сюда такъ далеко одинъ?

... безъ слезъ, предавшись нѣмому отчаянію, просидѣлъ, какъ ему показалось, цѣлые часы.

года была пріятная, посвѣжѣло. За дорогу мальчикъ сошелся съ какимъ-то старикомъ, который тоже ѣхалъ въ Аргентину отыскивать своего пропавшаго тамъ безъ вѣсти сына. Старикъ похлопывалъ его рукою по плечу и ободрялъ его:

— Бодрись, пріятель! говорилъ онъ. Ты найдешь свою мать!

Но вотъ и Буэносъ-Айресъ. Городъ стоитъ на широкомъ устьѣ рѣки Лаплаты. Отличное майское утро кажется мальчику хорошимъ предзнаменованіемъ. Теперь уже онъ испытываетъ нетерпѣніе и радость. Всего въ какихъ-нибудь трехъ или пяти верстахъ отъ него

находится теперь его мать! Онъ увидить ее можетъ быть черезъ часъ или черезъ два!

И вотъ онъ въ Америкѣ! Неужели онъ пріѣхалъ сюда на самомъ дѣлѣ? Неужели онъ заѣхалъ сюда такъ далеко одинъ! Точно онъ не ѣхалъ сюда, а перелетѣлъ на крыльяхъ. Онъ пошарилъ у себя въ карманѣ—у него тамъ осталось еще нѣсколько монетъ. Но не все ли это равно, есть у него деньги, или нѣтъ, когда онъ такъ близко отъ своей матери? Вмѣстѣ съ другими пассажирами онъ сошелъ на берегъ. Простившись со старикомъ, онъ тотчасъ же направился въ городъ. Дойдя до первой улицы, онъ спросилъ у встрѣтившагося рабочаго, какъ пройти въ улицу Артесъ? Рабочій оказался итальянцемъ.

— Читать умѣешь? — спросилъ онъ.

— Умѣю.

— Ну, такъ иди ты все прямо и все читай названіе улицъ на всѣхъ углахъ. Тамъ ты найдешь и ту, которую ищешь.

Маркъ поблагодарилъ и отправился далѣе. Онъ шелъ и ему казалось, что городу не было конца, такъ длинна была улица, и все время читалъ стран-

ныя названія пересѣкавшихъ ее другихъ такихъ же безконечныхъ и шумныхъ улицъ. Смотрѣлъ онъ также и на встрѣчавшихся ему женщинъ, ожидая въ одной изъ нихъ узнать свою мать.

Наконецъ на одномъ углу онъ прочиталъ: „улица Артесъ“. Сердце его затрепетало. Теперь ужъ близко! Онъ повернулъ въ нее. На первомъ домѣ отъ угла былъ № 117, а домъ, гдѣ жила его мать былъ № 175. Маркъ побѣжалъ къ нему бѣгомъ. Но вотъ и онъ. Въ

Интересныя картинки.

нижнемъ этажѣ помѣщается какая-то лавченка. Онъ заглянулъ въ нее. Въ ней сидѣла старуха въ очахъ.

— Позвольте узнать, спросилъ онъ, задыхаясь отъ волненія, — здѣсь живетъ господинъ Мекинецъ?

— Нѣтъ, ихъ давно уже здѣсь нѣтъ, сказала она. — Они съѣхали!

Эти слова поразили Марка въ самое сердце.

— Когда? спросилъ онъ.

— Давно. Теперь здѣсь живутъ другіе. Маркъ поблѣднѣлъ.

— У нихъ жила моя мама, сказалъ онъ наконецъ, — и я не знаю, кто могъ-бы указать мнѣ, гдѣ она теперь? Я пріѣхалъ сюда къ ней изъ Европы. Мнѣ надо повидать ее.

— Я ровно ничего не знаю, отвѣтила старуха. — Спроси вотъ этого мальчика.

И она кликнула со двора какого-то мальчугана.

— Не помнишь-ли ты, спросила она его, — женщины, служившей у здѣшнихъ господъ?

— У сеньоровъ Мекинецъ? переспросилъ мальчикъ.

— Да, да! подтвердилъ Маркъ. — Моя мама служила у Мекинецъ!

— Такъ это тутъ недалеко, продолжалъ мальчикъ. — Въ самомъ концѣ улицы Артесъ! Они переехали!

— Такъ проводи меня туда! обратился къ нему Маркъ.

— Идемъ! отвѣтилъ тотъ.

И они пошли. Дойдя до конца улицы, они вошли въ ворота небольшого бѣлаго дома съ массой зелени и цвѣтовъ. Маркъ позволилъ.

— Вамъ кого? спросила его отворившая ему дверь дѣвушка.

— Здѣсь живутъ Мекинецъ?

— Нѣтъ... Они дѣйствительно жили здѣсь, но полгода тому назадъ съѣхали отсюда. Теперь здѣсь живутъ другіе.

— А куда переехали Мекинецъ?

Дѣвушка поглядѣла на Марка.

— Не знаю, отвѣтила она. — Подождите минуту, я спрошу у отца.

Она ушла и тотчасъ-же вернулась съ высокимъ сѣдымъ господиномъ.

— Твоя мать изъ Италіи? спросилъ онъ у Марка.

— Да, отвѣтилъ мальчикъ. — Ее зовутъ Юзефа.

— Ну, такой не знаю. Здѣсь у Мекинецъ дѣйствительно служила въ кухаркахъ какая-то итальянка, но только ее звали Лючія Донато. Она тоже уѣхала съ Мекинецъ. Я это знаю навѣрное.

Маркъ обрадовался.

— Ну, такъ это все равно! отвѣтилъ онъ. — Мы писали изъ Италіи письма къ мамѣ на имя этой самой Лючіи Донато. Она навѣрно знаетъ, гдѣ теперь моя мама. Куда-же они уѣхали?

— Въ Кордову. Это здѣсь есть такой городъ.

Маркъ вздохнулъ.

— Въ такомъ случаѣ, покорно сказалъ онъ,—я пойду въ эту самую Кордову.

— Ахъ, ты бѣдняга! воскликнулъ господинъ.—Да вѣдь Кордова отсюда нѣсколько сотъ верстъ!

Мальчикъ поблѣднѣлъ и не зналъ, что дѣлать.

— Войди къ намъ на минуту, сказалъ сострадательный господинъ.—Мы подумаемъ, нельзя-ли какъ-нибудь тебѣ помочь?

Онъ ввелъ Марка въ домъ, и заставилъ его рассказать ему свою исторію. Выслушавъ его внимательно, онъ сѣлъ къ письменному столу, написалъ письмо, запечаталъ его и передалъ его мальчику.

— Слушай меня, малышъ, обратился онъ къ нему.—Въ двухъ часахъ отсюда есть маленькій городокъ Бока. Отправься ты сейчасъ въ эту самую Боку, всякій укажетъ тебѣ туда дорогу, розыщи, тамъ господина, которому адресовано это письмо, и передай ему его. Онъ устроитъ для тебя все, что будетъ возможно.

И онъ сунулъ ему въ руку письмо.

— Отправляйся-же и не падай духомъ, продолжалъ онъ.—Прощай! Дѣло твое правое. Ты отыскиваешь свою мать.

Мальчикъ поблагодарилъ его и съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ, черезъ весь громадный городъ,

отправился въ путь. Онъ былъ такъ утомленъ, такъ озабоченъ, что и не сознавалъ, что происходило вокругъ него. Къ ночи онъ дошелъ до города Боки, заночевалъ тамъ въ какой-то лачугѣ, а утромъ отправился съ письмомъ.

Проблуждавъ по городу цѣлый часъ, поворачивая то вправо, то влево, то назадъ, то впередъ, онъ добрался наконецъ до дома, гдѣ жилъ указанный на письмѣ господинъ, и дернулъ къ нему въ звонокъ. Въ дверяхъ показался нахмуренный лакей и грубо спросилъ его:

— Тебѣ чего надо?

— Я отыскиваю свою маму, отвѣтилъ мальчикъ. Она живетъ теперь неизвѣстно гдѣ. Но ее знаетъ госпожа Лючія Донато. Къ сожалѣнію, эта Лючія Донато перѣехала на жительство въ городъ Кордову, и я теперь направляюсь туда. Будьте любезны доложить обо мнѣ вашему господину, къ которому я имѣю вотъ это письмо. Онъ поможетъ мнѣ добраться до Кордовы...

Лакей нехотя его выслушалъ и зѣвнулъ.

— Хозяинъ только вчера уѣхалъ со всей своей семьей въ Буэнос-Айресъ, отвѣтилъ онъ.—Его нѣтъ дома.

Ужасъ наполнилъ сердце Марка.

— Но какъ-же теперь быть? спросилъ онъ.—Я здѣсь совершенно одинъ и никого не знаю!

Слуга взялъ отъ него письмо и повертѣлъ его въ рукахъ.

— Черезъ мѣсяць, сказалъ, онъ,—когда вернется хозяинъ, я ему передамъ это письмо.

— Но какъ-же быть мнѣ теперь? съ дрожью въ голосѣ спросилъ Маркъ.

— Много васъ тутъ всякой дряни шатается! проговорилъ лакей.— Попрошайничаєте только!

И прямо передъ носомъ мальчика онъ захлопнулъ дверь.

Маркъ остолбенѣлъ. Постоявъ немного и видя, что дѣлать нечего, онъ взвалилъ къ себѣ на плечи мѣшокъ и побрелъ по незнакомому городу, куда глядѣли его глаза.

Что было дѣлать? Куда идти? До Кордовы предстояло ѣхать еще цѣлыя сутки по желѣзной дорогѣ, а у него все равно не хватило-бы всѣхъ его денегъ на билетъ. Хотѣлось ѣсть и надо было-бы чего-нибудь купить и поѣсть. Это сегодня. А завтра? А послѣзавтра? Какъ раздобыть себѣ денегъ на ѣду и на желѣзнодорожный билетъ? Конечно, онъ могъ-бы ихъ заработать, но какъ, чѣмъ и гдѣ?

И онъ снова побрелъ по длиннѣйшей улицѣ, и снова тоска одиночества сжала его сердце. Опустивъ затѣмъ свою ношу на тротуаръ, онъ сѣлъ на нее, прислонился спиной къ стѣнѣ и закрылъ ладонями лицо. Такъ, безъ слезъ, предавшись нѣмому отчаянію, онъ

просидѣлъ, какъ ему показалось, цѣлые часы. И вдругъ около него раздался чей-то голосъ:

— Что ты тутъ подѣливаешь, милый мальчуганъ? Какъ ты сюда попалъ?

Маркъ поднялъ голову и увидѣлъ передъ собою того самаго старика, съ которымъ плылъ вмѣстѣ на пароходѣ и который ѣхалъ въ Америку отыскивать своего пропавшаго сына.

Мальчикъ вскочилъ на ноги и вмѣсто всякаго отвѣта сталъ просить работы.

— Я готовъ взяться за что угодно, заговорилъ онъ и слезы за-свѣтили у него на рѣсницахъ.— Я буду носить грузъ, мести улицы, пахать землю... Найдите мнѣ хоть какую-нибудь работу, прошу васъ! Я больше не въ силахъ вести такую бродячую жизнь.

Старикъ почесалъ себѣ затылокъ.

— Да... сказалъ онъ.— Легко сказать: найти ему работу! Легко сказать! А гдѣ ее найти? Впрочемъ, посмотримъ... Надо будетъ отправиться къ нашимъ землякамъ.

Для Марка блеснулъ лучъ надежды.

— Пойдемъ! обратился къ нему старикъ.

Они пошли и всю дорогу молчали. Наконецъ старикъ-крестьянинъ остановился у дверей какого-то постоялаго двора.

— Здѣсь... сказалъ онъ.

Они вошли. За столами сидѣло много мужчинъ. Всѣ пили, курили и разговаривали. У одного изъ столовъ сидѣли шестеро итальянцевъ.

— Друзья, обратился къ нимъ старикъ и указалъ на Марка.— Вотъ нашъ землячокъ. Онъ одинъ, какъ перстъ, пріѣхалъ сюда изъ Италія отыскивать свою мать. Ему теперь надо поѣхать въ Кордову по желѣзной дорогѣ, но денегъ у него нѣтъ. Не сложится-ли намъ и не собрать-ли ему на билетъ? Пусть онъ разыщетъ въ Кордовѣ свою мать! А то здѣсь ему придется пропасть, какъ собаченкѣ! Неужели мы его такъ оставимъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! слышались голоса.— Это нашего-то земляка? Да чтобы мы, итальянскіе переселенцы, и не выручили нашего земляка? Да этому не бывать никогда! Подойди сюда, мальчуганъ! Товарищи, собирайте деньги!

Исторія Марка быстро облетѣла весь кабачокъ, изъ сосѣднихъ комнатъ вышли другіе завсегдатаи и въ какія-нибудь пять минутъ старичекъ-крестьянинъ собралъ для мальчика цѣлыхъ 42 лиры.

— Видишь? обратился онъ къ Марку.— Что значить земляки!

Но мальчикъ не могъ говорить: слезы брызнули у него изъ глазъ. Онъ бросился къ старику на шею и сталъ отъ радости плакать.

Полный радостныхъ надеждъ,

веселый и улыбающійся, онъ уже ѣхалъ на слѣдующее утро въ Кордову. Стоялъ сѣрый, дождливый день, поѣздъ шель по безлюдной, безжизненной равнинѣ, Маркъ сидѣлъ одинъ въ опустѣвшемъ вагонѣ, смотрѣлъ въ окно и ни въ чемъ его взоръ не находилъ отрады. Попадавшіяся на пути станціи походили на заброшенныя хатки; когда поѣздъ останавливался, то нигдѣ не было слышно человѣческихъ голосовъ. Точно самъ поѣздъ былъ заброшенъ и не зналъ самъ, куда и для чего ѣдетъ и зачѣмъ по такой пустынѣ проложены рельсы. Къ тому-же дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Въ Америкѣ уже начиналась зима, а у бѣднаго Марка не было съ собою никакой теплой одежды. Онъ скоро озябъ. Къ волненіямъ послѣднихъ дней и тревогамъ во время бессонныхъ ночей прибавились еще и муки холода. Онъ не зналъ, куда сѣсть, какъ согрѣться. Съ тоскою онъ поглядывалъ на печальную пустыню, на ползшія по стекламъ капли дождя и среди этого мрачнаго безмолвія природы воображеніе его настраивалось на печальный ладъ и ему стали рисоваться тяжелыя картины. А что, если вдругъ его мать вовсе не въ Кордовѣ, а гдѣ-нибудь еще? Что, если она умерла?

Изябшій, продрогшій, онъ заснулъ. Ему приснилось, что онъ ночью пріѣхалъ въ Кордову, идетъ

по ея улицамъ и изъ всеѣхъ оконъ ея домовъ ему кричатъ:—„Ея здѣсь нѣтъ! Ея здѣсь нѣтъ!“

Онъ въ ужасѣ проснулся, вскопчилъ и къ глубинѣ вагона увидѣлъ трехъ мужчинъ. Они шептались о чемъ-то и посматривали на него. Ему показалось, что это разбойники, и къ ужасамъ отъ холода и отъ сновидѣнія прибавился еще страхъ передъ этими людьми. Вдругъ одинъ изъ нихъ всталъ и направился къ Марку. Мальчикъ испугался. Потерявъ отъ страха разсудокъ, мальчикъ бросился къ нему на встрѣчу и не своимъ голосомъ закричалъ:

— Я—бѣднякъ, у меня ничего нѣтъ! Я пріѣхалъ изъ Италіи и ищу свою мать! Я здѣсь одинъ. Не дѣлайте мнѣ дурного!

Видя, что онъ стучитъ зубами отъ холода, и очевидно заболѣлъ и бредитъ, незнакомецъ уложилъ его на скамью, успокоилъ и укуталъ своимъ пледомъ. Два другіе незнакомца тоже, прикрыли его, кто чѣмъ могъ. Онъ успокоился, согрѣлся и, не смотря на только что начавшіеся сумерки, скоро заснулъ. Все время онъ бредилъ и чувствовалъ въ дремотѣ, какъ горячее дыханіе обжигало ему верхнюю губу и ноздри. А затѣмъ вдругъ на всемъ его тѣлѣ выступила испарина и ему сразу-же сдѣлалось легче.

— Ну, вотъ и хорошо, что ты согрѣлся! говорилъ ему одинъ

изъ незнакомцевъ на испанскомъ языкѣ.—А я ужъ такъ и думалъ, что ты расхвораешься совсѣмъ. Ну, будь здоровъ!

Онъ опять укрылъ мальчика и отошелъ къ своимъ. Маркъ снова заснулъ.

Когда-же онъ проснулся то, была уже ночь. Поѣздъ подошелъ къ Кордовѣ. Мальчика разбудили и онъ съ радостью выскочилъ изъ вагона и какъ ни въ чемъ не бывало побѣжалъ въ городъ.

Передъ нимъ опять потянулись длинныя, прямыя улицы и бѣлые, низенькіе дома. Кругомъ было пустынно и темно. Попадались рѣдкіе прохожіе съ темными лицами. Встрѣтивъ какого-то священника, Маркъ спросилъ у него, гдѣ находится домъ, въ которомъ живутъ Мекинецъ? Священникъ подумалъ и указалъ. Схватившись рукой за грудь, чтобы унять біеніе сердца, Маркъ добѣжалъ до указаннаго дома и позвонилъ. Ему отворила старушка со свѣчею.

— Здѣсь живетъ господинъ Мекинецъ? спросилъ онъ ее.

Она покачала головой.

— И что это за наказаніе! воскликнула она.—Цѣлыхъ три мѣсяца не даютъ мнѣ покоя, все ходятъ къ этому господину! Да вѣдь я даже печатала въ газетахъ, что три мѣсяца тому назадъ онъ съѣхалъ отсюда! Онъ уѣхалъ въ Тукуманъ! Слышишь? Въ Тукуманъ, въ Тукуманъ, въ Тукуманъ!

Пожалуйста, не беспокойте меня никто!

Мальчиномъ овладѣло отчаяніе.

— Боже мой, Боже мой, заговорилъ онъ, — неужели-же я не отыщу своей матери? Точно судьба преслѣдуетъ меня! Я, право, сойду съ ума! Гдѣ-же этотъ Тукуманъ? Я сейчасъ-же пойду туда!

— Да онъ отсюда за пятьсотъ верстъ! Тебѣ не дойти!

Маркъ закрылъ руками лицо и зарыдалъ.

— Что-же мнѣ теперь дѣлать? воскликнулъ онъ.

Старушкѣ стало его жаль и она подумала.

— Знаешь, что? сказала она. — Попробуй попытать счастье. Въ третьемъ домѣ отсюдаhalb живеть торговецъ - фургонщикъ. Завтра рано утромъ онъ отправляетъ скотъ въ Тукуманъ. Бѣги къ нему скорѣе и попроси его взять туда съ собой и тебя.

Маркъ со всѣхъ ногъ бросился къ фургонщику. Черезъ двѣ минуты онъ уже стоялъ на большомъ дворѣ, запруженномъ товарами, фурами и волами. Рабочіе грузили товаръ и спѣшили, чтобы успѣть до утра. Тутъ же ходилъ и самъ хозяинъ-фургонщикъ и распоряжался погрузкой. Маркъ подошелъ къ нему.

— Возьмите меня съ собою въ Тукуманъ, попросилъ онъ. — Я отыскиваю свою мать... Я всю дорогу буду на васъ работать, буду

носить воду, кормить воловъ... Я буду дѣлать все!..

Фургонщикъ посмотрѣлъ на него.

— Мы ѣдемъ не въ Тукуманъ, отвѣтилъ онъ, — а въ другое мѣсто. Если тебя взять съ собою, то придется высадить тебя на полъ-дорогѣ. Тебѣ придется еще полъ-пути идти пѣшкомъ.

— Я пойду! воскликнулъ Маркъ. — Дайте мнѣ только мѣстечко въ вашемъ фургонѣ и провезите меня хоть съ полъ-дороги. Пожалѣйте меня. Не оставляйте меня здѣсь, умоляю васъ!

— Но вѣдь это далеко! Мы будемъ ѣхать цѣлыя три недѣли!

— Это ничего! Я буду работать!

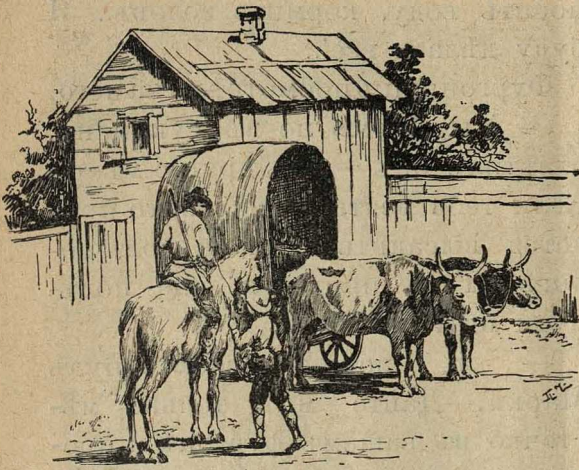
— Потомъ столько-же времени тебѣ придется идти пѣшкомъ одному.

— И это ничего! Только-бы быть поближе къ моей матери! Сжальтесь надо мной!

Фургонщикъ снова оглядѣлъ его съ ногъ до головы.

— Ну, хорошо! отвѣтилъ онъ. — Залѣзь въ какой-нибудь фургонъ и спи тамъ на здоровье!

Въ четыре часа утра караванъ фургоновъ тронулся въ путь. Мальчикъ крѣпко спалъ. Когда онъ проснулся, то свѣтило уже солнце и караванъ сдѣлалъ привалъ. Подводчики сидѣли кружкомъ и варили кашу съ бараниной. Поѣвши и отдохнувъ, они тронулись въ путь. Проѣхавъ еще нѣсколько часовъ, они снова оста-

— Но вѣдь это далеко! Мы будем ѣхать цѣлыя три недѣли!..

навливались, снова варили кашу и такъ стало повторяться затѣмъ каждый день. Кругомъ на невѣроятныя пространства тянулась степь, ровная, какъ столъ, безлюдная, какъ пустыня, и тихая, какъ могила.

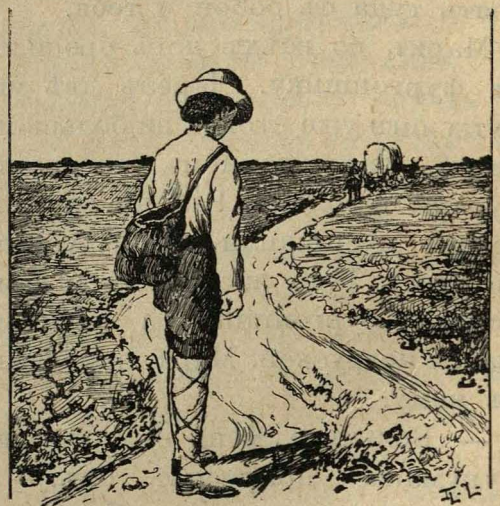
Дни тянулись за днями, длинные и тоскливые, какъ на морѣ. Маркъ томился и скучалъ. Возчики обращались съ нимъ грубо, часто давали ему подзатыльники ни за что и заваливали его непосильной работой. Разбитый, утомленный, онъ не могъ отъ усталости спать и всю ночь у него кружилась голова. Часто, тайкомъ отъ всѣхъ, онъ забирался къ себѣ въ уголокъ фургонъ и, уткнувшись лицомъ въ свой мѣшокъ, плакалъ горючими слезами. Вставая по утрамъ еще болѣе унылымъ и еще болѣе слабымъ, чѣмъ до этого, онъ качалъ головою и говорилъ:—

— Сегодня я не доживу до вечера. Я умру сегодня въ дорогѣ!

И онъ дѣйствительно заболѣлъ и цѣлыя три дня безвыходно пролежалъ въ фургонѣ, закрывшись одѣяломъ. У него были жаръ и ознобъ. Но прошли три дня и онъ выздоровѣлъ. Этотъ день его выздоровленія совпалъ съ тѣмъ днемъ, когда караванъ доѣхалъ до того мѣста, гдѣ дорога сворачивала въ Тукуманъ и гдѣ Марку нужно было вылѣзть изъ фургона и продолжать путь уже одному пѣшкомъ.

— Ну, мальчишка, вылѣзай! закричали ему фургонщики.—Вотъ дорога на Тукуманъ. Прощай!

Мальчикъ взялъ свой мѣшокъ, простился съ ними и еще долго стоялъ въ степи одинъ, смотря на обозъ, пока тотъ не скрылся окончательно изъ глазъ. Затѣмъ онъ

Онъ еще долго стоялъ въ степи одинъ, смотря на обозъ...

грустно! побрелъ одинъ своей дорогой.

Сзади него тянулась степь, а впереди—синѣли высокія, остроконечныя горы съ снѣжными вершинами. Стали попадаться хутора и въ нихъ лавочки. Мальчикъ покупалъ въ нихъ себѣ чего-нибудь поѣсть и отправлялся далѣе. Встрѣчались на пути и верховые всадники съ красными лицами. Это были индѣйцы. Но они не трогали его. Въ первый день Маркъ прошелъ довольно большое пространство, во второй—гораздо меньшее, а въ третій—совсѣмъ мало. Башмаки его изорвались, ноги болѣли отъ пузырей, болѣло подъ ложечкой отъ голода.

Но онъ все шелъ и шелъ. Кругомъ росли уже диковинныя деревья, тянулись уже сахарныя плантаціи, попадались пышные луга съ сочною травой, а на горизонтѣ все ярче и яснѣе вырисовывались остроконечныя голубыя горы.

Прошла недѣля. Силы мальчика истощались. Ноги его были всѣ въ крови. Но онъ напрягался до послѣдней крайности и все шелъ и шелъ.

Наконецъ ему сказали однажды:—Тукуманъ отсюда всего въ пяти верстахъ.

Завтракъ вмѣстѣ.

Онъ вскрикнулъ отъ радости и бросился бѣжать впередъ. Но этого хватило только на какія-нибудь десять минутъ. Онъ ослабѣлъ, силы оставили его и, не будучи въ состояніи двинуться далѣе, онъ отошелъ къ сторонѣ и свалился около канавы на траву. Но душа его была полна радости. Онъ лежалъ на травѣ, глядѣлъ на темное небо, сверкавшее звѣздами и ему казалось, что и его мать сей-

часъ любуется этими-же самыми звѣздами и думаетъ о немъ. Теперь онъ уже недалеко отъ нея!

— Милая мама, гдѣ ты? шепталь онъ.—Что ты сейчасъ дѣлаешь? Думаешь-ли ты обо мнѣ? Вѣдь я сейчасъ такъ близко отъ тебя!

И ему хотѣлось встать, бѣжать къ ней, но силы оставили его и глаза слипались сами собой.

Бѣдняжка! Если-бы только онъ зналъ, въ какомъ положеніи была его мать! Она лежала тяжело больная въ одной изъ комнатъ нижняго этажа того дома, который занимали Мекинецъ. Они полюбили ее и заботились о ней. Съ самаго Буэносъ-Айреса ей становилось все хуже и хуже. Она безпокоилась на чужбинѣ о своей семьѣ и это еще болѣе разстраивало ея здоровье. Ее увезли изъ Буэносъ-Айреса въ Кордову. Она написала объ этомъ мужу письмо

и послала его домой, но письмо затерялось въ дорогѣ. Ей присылали письма съ родины, но они оставались въ Буэносъ-Айресѣ, такъ какъ тамъ ее уже не было. Это еще болѣе ухудшало ея болѣзнь. Постоянная тревога за родныхъ, полная неизвѣстность, нерѣшительность — ѣхать-ли домой или оставаться здѣсь, и тоска по сынѣ окончательно надломилы ея здоровье. Къ этому присоединилась какая-то желудочная болѣзнь, требовавшая операциі—и бѣдная больная уже двѣ недѣли не вставала съ постели и дышала на ладанъ.

Какъ разъ въ ту самую минуту, когда Маркъ лежалъ безъ силъ у дороги на травѣ и призывалъ къ себѣ свою мать, у постели больной стоялъ самъ Мекинецъ съ женой и уговаривалъ ее рѣшиться на операцию. Вся въ слезахъ, она отъ нея отказалась.

— Нѣтъ, дорогіе господа, отвѣчала она.—Не могу. Я ее не перенесу. Лучше ужъ умереть своею собственной смертью. Да теперь и жить мнѣ не для чего. Все теперь кончено для меня. Вѣроятно, дома случилось безъ меня какое-нибудь несчастье и всѣ тамъ поумирали! Умру и я!

Хозяинъ и его жена старались ее ободрить.

— Но вѣдь послѣ операциі тебѣ будетъ легче тотчасъ-же, говорили они.—Ты выздоровѣешь и вѣро-

ятно на этихъ-же дняхъ получишь изъ Италіи письмо! Узнаешь о дѣтяхъ.

.

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, хромой и сгорбленный, съ мѣшкомъ на спинѣ, но бодрый и полный надеждъ, Маркъ уже входилъ въ Тукуманъ. И здѣсь были тѣ-же широкія, длинныя улицы съ маленькими, бѣлыми домами, но повсюду была видна роскошная растительность, воздухъ былъ насыщенъ какимъ-то сладкимъ ароматомъ и небо было такое синее и такое глубокое, какъ въ Италіи. Идя по улицамъ, мальчикъ всматривался въ лица прохожихъ и заглядывалъ въ окна, надѣясь въ каждомъ изъ нихъ увидѣть свою мать.

„У кого-бы спросить, гдѣ живутъ Мекинецъ?“ подумалъ Маркъ.— „Всѣ говорятъ здѣсь только по испански“...

И вдругъ онъ увидѣлъ лавку съ вывѣской на итальянскомъ языкѣ. Онъ вошелъ въ нее и спросилъ:

— Не знаете-ли вы, гдѣ живетъ сеньоръ Мекинецъ?

— Мекинецъ? переспросилъ торговецъ.

— Да...

Лавочникъ подумалъ.

— Такого въ Тукуманѣ нѣтъ, отвѣтилъ онъ. Какой-то сеньоръ Мекинецъ живетъ въ нѣсколькихъ часахъ отсюда, въ собственной дачѣ.

— Гдѣ, гдѣ? съ восторгомъ спросилъ мальчикъ.

— На берегу озера Саладилъо. Тамъ всѣ его знаютъ! Ты дойдешь туда черезъ три или четыре часа! Я былъ тамъ всего съ мѣсяцъ тому назадъ...

Мальчикъ посмотрѣлъ на него съ восхищеніемъ.

— А видѣли-ли вы тамъ прислугу-итальянку? спросилъ онъ и сердце у него забилось.

— Лючію Донато? Видѣлъ.

Маркъ отъ радости засмѣялся.

— Такъ расскажите-же мнѣ скорѣе, заговорилъ онъ, — какъ туда идти? — Укажите мнѣ туда дорогу.

— Но вѣдь ты усталъ, отдохни! отвѣтили ему. — Завтра успѣешь!

Но Маркъ не хотѣлъ ничего слушать и стоялъ на своемъ.

— Ну, да хранить тебя Господь! сказали ему итальянцы. — Только когда войдешь въ лѣсъ, то не сбейся съ пути!

И, взваливъ на плечи мѣшокъ, мальчикъ, прихрамывая, побѣжалъ по указанному ему направленію и скоро скрылся за густыми деревьями, которыми были обсажены въ городѣ улицы и переулки.

Онъ вышелъ изъ города и вступилъ въ лѣсъ. Громадныя деревья, со стволами, похожими на колонны, сплетались вершинами чуть не у самаго неба. Другія деревья, свалившіяся отъ времени, лежали на землѣ и всѣ были обвиты ползучими травами. Кругомъ расти-

тельность была такова, что Марку казалось, будто онъ вступилъ въ заколдованную, сказочную страну, и это наводило на него страхъ. Одинъ, среди этого страннаго лѣса, онъ шелъ и шелъ своими больными, окрававленными ногами, еле отыскивая себѣ дорогу и еле узнавая ее по жалкимъ, крошечнымъ человѣческимъ жилищамъ, точно муравейныя кучи, пріютившимся у стволовъ гигантскихъ деревьевъ. Все время образъ матери стоялъ передъ нимъ и нѣжность наполняла его душу.

— Я здѣсь, моя мама, шепталъ онъ,—скоро я увижусь съ тобой. Теперь ужъ я никогда больше не разстанусь съ тобой. Мы вмѣстѣ вернемся домой и всю свою жизнь я буду при тебѣ.

Тѣмъ временемъ наступила ночь и мальчикъ потонулъ въ темной глубинѣ гигантскаго лѣса.

Въ восемь часовъ утра къ Мекинецъ пріѣхалъ докторъ изъ Тукумана. Онъ привезъ съ собою инструменты, чтобы сдѣлать Юзефъ операцию. Вмѣстѣ съ синьоромъ Мекинецъ и его женою онъ долго уговаривалъ больную не бояться.

— Вѣдь операция спасетъ вамъ жизнь, говорилъ онъ больной.— Она сойдетъ легко, а безъ нея—васъ ожидаетъ смерть.

Но больная оставалась неумолимой.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила она.— Благодарю васъ, господинъ док-

торъ. Мнѣ суждено умереть. Не мѣшайте-же мнѣ умереть спокойно!

И притянувъ къ себѣ свою госпожу, она зашептала ей на ухо:

— Напишите о моей смерти моей семьѣ на родину. Напишите мужу, что я прошу его побережь моего милаго, ненагляднаго, маленькаго Марка. Мой Маркъ! Ненаглядное мое дитя! Дорогой мой сынокъ! Напишите имъ, что Лючія Донато и я, Юзефа,—одно и то-же лицо...

Въ это время вошла горничная и поманила г-на и г-жу Мекинецъ къ себѣ. Оба они вышли въ кухню и больная осталась одна. Затѣмъ хозяинъ снова вошелъ и увелъ съ собой и доктора. Нѣсколько минутъ спустя, возвратились къ больной всѣ трое, но уже съ какимъ-то новымъ, таинственнымъ выраженіемъ лицъ. Точно они узнали сейчасъ что-то такое, чего не знала больная.

Докторъ сказалъ:—Дѣйствуйте разомъ! Это будетъ лучше!

Г-жа Мекинецъ подошла къ больной и взяла ее за руку.

— Юзефа, сказала она.—Приготовься услышать пріятное извѣстіе! Сейчасъ прибылъ сюда...

— Кто? воскликнула умирающая.

Но въ это время распахнулась дверь и въ комнату вбѣжалъ весь грязный и оборванный Маркъ.

— Боже мой! Боже мой! воскликнула больная и всплеснула руками.

Маркъ ринулся къ ней и припалъ къ ея груди. Оба громко зарыдали, затѣмъ засмѣялись, и стали опять громко рыдать.

— Какъ ты сюда попалъ? заговорила больная.— Ты-ли это? Не привидѣлся-ли ты мнѣ во снѣ? Да какъ-же ты выросъ, какой ты сталъ большой!

Обнявши мать, обхвативши обѣими руками ея за шею, Маркъ прижался къ ея исхудалой груди и все еще не вѣрилъ, что видитъ воочию свою мать.

Наконецъ она отстранила его отъ себя и поманила къ себѣ доктора.

— Скорѣе, докторъ, рѣшилась она.— Дѣлайте операцію! Теперь я хочу жить! Я хочу выздоровѣть! Теперь около меня мой сынъ. Я готова... Не теряйте-же ни одной минуты!

И поцѣловавъ Марка, она передала его г-жѣ Мекинецъ. Всѣ вышли и оставили ее съ докторомъ одну.

Онъ заперъ за собою дверь и сталъ осматривать свои инструменты.

— Что тамъ такое? спросилъ Маркъ.— Что хотять дѣлать съ моею мамой?

Мекинецъ взялъ его за руку и отвелъ его къ сторонкѣ.

— Слушай и не волнуйся, сказалъ онъ.— Твоя мать опасно больна. Но сейчасъ ей сдѣлають операцію и она будетъ здорова. Пойдемъ отсюда въ садъ!

Но мальчикъ испугался и прижался къ стѣнѣ, не желая уходить.

Вдругъ за дверью раздавался пронзительный крикъ. Мальчикъ вздрогнулъ и отвѣтилъ на него такимъ-же пронзительнымъ крикомъ:

— Моя мама умерла!

Но въ это время на порогѣ появился докторъ въ бѣломъ халатѣ и съ тазомъ въ рукѣ.

— Твоя мама спасена! отвѣтилъ онъ.

Маркъ посмотрѣлъ на него съ секунду и, громко зарыдавъ, бросился затѣмъ къ его ногамъ.

— Спасибо, спасибо вамъ, докторъ, заговорилъ онъ.— Благодарю васъ..

Докторъ поднялъ его съ полу и поцѣловалъ.

— Встань, герой, сказалъ онъ.— Это ты спасъ свою мать!

И онъ позволилъ ему войти къ матери, которая лежала и улыбалась и счастьемъ ея, казалось, не было границъ.

По Э. д' Амичисъ—Гіальмаръ.

ВЕШНИЕ ЛУЧИ.

Пригрѣли вешніе лучи,
Зазеленѣли лѣсъ и склоны,
И цѣлый день кричатъ грачи
На вѣтвяхъ тополя и клена.
Съ пригорковъ ручейки бѣгутъ,
Въ оврагахъ снѣгъ давно растаялъ
И межъ камней то-тамъ, то-тутъ
Пробилась травка молодая;

Вотъ-гдѣ-то прокричалъ пѣтухъ,
Ворона каркнула на крышѣ...
На тонкихъ вербахъ нѣжный пухъ
Весенній вѣтеръ чуть колышетъ.
Изъ улья выползъ пчелокъ рой,
А по краямъ лѣсныхъ тропинокъ
Межъ прошлогоднею листвою
Синѣтъ тоненькій барвинокъ.

Е. Оберучева.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Въ слѣдующихъ фразахъ найти
названія насѣкомыхъ:

- 1) Какъ тепло! Уже распцвѣла
черемуха.
- 2) На Днѣстрѣ козаки построили
крѣпость.
- 3) Я подхожу къ городу.
- 4) Стоявшая у желоба бочка
разсохлась.
- 5) Уходя, я запру сакъ, чемо-
данъ и подушку въ шкафъ.
- 6) Около водъ священной рѣки
столпились поклонники.

II.

Задуманы три слова:

- 1) То, что надѣваютъ на ось.
- 2) То чѣмъ пишутъ.
- 3) То, изъ чего пекутъ хлѣбъ.

Отъ каждаго изъ этихъ словъ
взять по послѣднему слогу и со-
ставить изъ нихъ новое слово, ко-
торое означаетъ птицу.

Какія слова задуманы и какая
это птица?

III.

Задуманное слово состоитъ изъ
девяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7.
8. 9. Буквы 8. 7. 6. 3. 9—озна-
чаютъ то, изъ чего дѣлаютъ свѣчи,
7. 8. 2. 6. 9.—хлѣбный знакъ, 3. 7.
8. 2. 4. 9—принадлежность спаль-
ни и гостиной, 8. 7. 4. 7. 1. 5—
птицу, 8. 2. 6. 1. 5—время года,
6. 7. 4. 7. 3. 5 — птицу, 8. 5. 3.
6. 5—то, что придаетъ блескъ; 3.
5. 6. 3. 5—головной уборъ, 3. 7,
4. 7. 8. 5—домашнее животное.

Найти эти слова и задуманное
слово, которое составляетъ фами-
лію знаменитаго русскаго писа-
теля.

IV.

Даны три слова: собака, шило
и муравей.

Взять отъ каждаго изъ нихъ по

одному только слогу и составить изъ нихъ названіе пѣвчей птицы.

Какая это птица?

V.

Шуточные вопросы: 1) Почему одна лошадь может бѣжать ско-

рѣе, чѣмъ другая? 2) Почему, когда дуетъ вѣтеръ, то бѣгутъ и облака?

3) Почему ломовые извозчики бьютъ несчастныхъ лошадей, когда онѣ не въ силахъ скоро везти?

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 12, помѣщенныя въ № 12, „Золотого Дѣтства“.

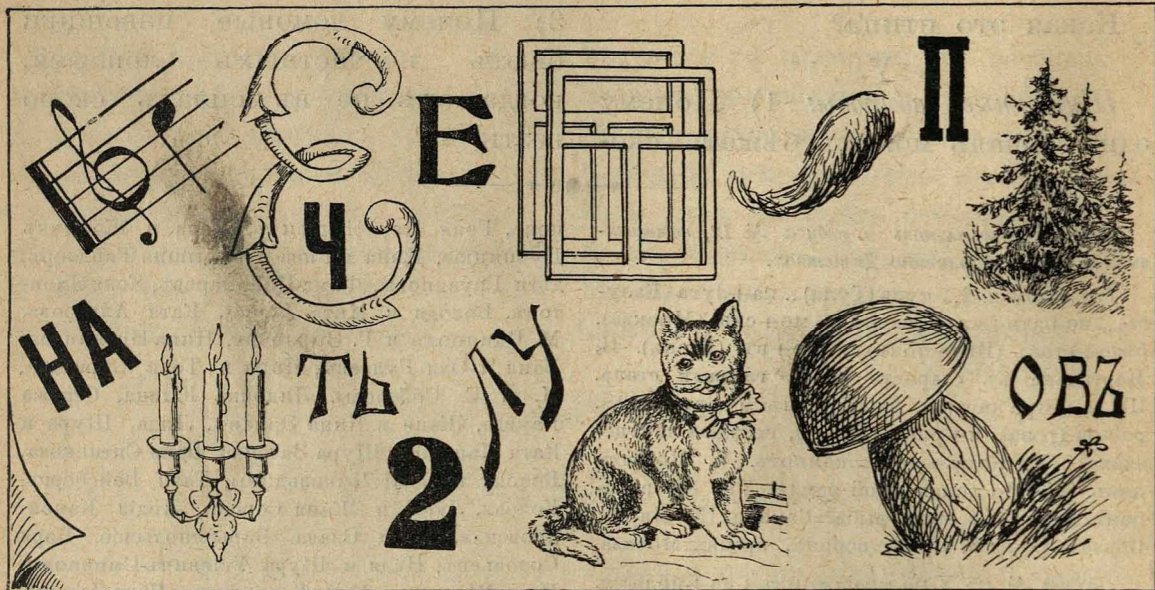
Головоломки: I... тула (Тула),... ка+луга (Калуга),... ко+зло+въ (Козловъ),... мо+сква (Москва), бѣло+стокъ (Бѣлостокъ),... кіе+въ (Кіевъ). II. Мартышка въ старости слаба глазами стала. III... а+стра (астра), тюль+панъ=(тюльпанъ),... ро+за (роза), и+рисъ (ирисъ), гвозди+ка (гвоздика). IV. Комъ+потъ=компотъ. V. По волнамъ. VI. По вспаханной землѣ. VII. За заборами. VIII. Соха, муха, рыба=Самара, IX. Марка, Образъ, Соколъ, Кума, воронъ, армія=Москва.

Ребусъ № 12: У+о+кошка+въ+до+медвѣд+ѣв+очки+си+д+ели+ип+ели=У окошка въ домѣ двѣ дѣвочки сидѣли и пѣли.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Лена Трунинъ, братья Квятковскіе, Люда и Нюся Могилевскіе, Викторъ Вейсбергъ, Тая Истомина, Пуся Васильева, Борисъ Корженевскій, Андрей и Антонина Сержпутовскіе, Мура Беркова, Бобень фонъ-Рентель и графъ Умильнъ, П. Доронинъ, Рая, Лена и Лея изъ Починокъ, Ольга Цветкова, Тоня Герепрентъ, Боря, Дуся и Галя Лачинскіе, Маруся Згоржельская, Лина Финкельштейнъ, Сережа Думаревскій, Гая и Володя Красные, Шура Лида и Вѣра Молокъ, Тамарочка Лебединская, Гриша, Лева, Роза и Тая Гиназбурги, Авдюша Фростъ, Милочка Козловская, ея братишка и Клавочка Вострякова, Лидія Попова, Вѣрочка Нехорошихъ, Толя Герасимычевъ, Валя и Маргарита Шавердовы, Муза фонъ Шульцъ, Толя Канюка, Митя Скарятинъ, Лида Гезенко, Станиславъ Маркевичъ, Жена Айдинянъ, Марго Орлова, Тая Долганова, Д. Вельтманъ, Шура и Мана Тронскіе, Володя Развадовскій, Боря Развадовскій, Жена, Соня и Коля Крайко, Муля Піотровскій, Шура Карауловъ, Галина Леоновичъ, Люля и Лиза Маріюшкины, Дода, Юра и Сергій Павильновы, Шурочка, Нюночка, Лидинька и Серафимъ Протопоповы, Саша Никифоровъ, Михайлъ Шимановскій, Петя Мышкинъ, Жунчикъ Селез-

невъ, Гея Парафіановичъ, Лена и Жоржикъ Дубницкіе, Дина и Рива и Барышня Гандлеръ, дѣти Грузиновы, Фима Пономаревъ, Коля Яхонтовъ, Володя и Митя Варни, Катя Алмазова, М. Одинцовъ и Г. Зыряновъ, Нина Иваницкая, Ваня и Оля Гуляевы, Нина и Толя Обрицкіе, М. и С. Соболевы, Лидочка Юдина, Сережа Раушъ, Жена и Нина Эрманъ, Лида, Шура и Катя Пащенко, Шура Засенко, Валя Ситникова, Володя и Боря Чикильдины, Тая Вейсбергъ, Володя, Люся и Жена Сороча, Лидія Камендровская, М. и Слава Барышпольскіе, Боря Соловьевъ, Надя и Шура Усевичъ-Смирновы, Всея Швединъ, Кира Балкашина, Надя Лапина, Гриша, Роза и Ревекка Роугбартъ и Аронъ Абрамскій, Володя, Китти, Маруся, Тая, Нюночка, и Коля Полотебновы, Лена и Ната Шклярскія, Лея Голубева, Котя Пономаревъ, Тая и Галя Мучканскія, Николай Замѣшевъ, Жена Ядровъ, Боря Иванюкъ, Шура Аксенова, Станиславъ Маркевичъ, Сережа Гриненко, Варя и Коля Бобковы, Люся Ильина, Володя Заксъ, Игорь и Вадимъ Маковецкіе, Рудольфъ и Августъ Куняиыги, Сережа и Кира Бартеневы, Коля, Тута, Катюша и Аленчикъ Ничипоренко, Лиза Смирнова, Жоржикъ Гладкевичъ, Лея и Миша Кокѣвы, Соня и Варя Избашъ, Шура Сололовъ, Анико Кандалаки, Сережа Черкасовъ, Валентина, Жора и Сергій Избашъ, Мартынъ Дикій, Маруся и Лина Митрофановы, Лидія Терехова, Маня и Сема Гузъ, Н. Васильева, Боря, Коля, Маруся и Надя Ромащенко, Коля Борисенко, Тоша и Ваня Сѣверовостоковы, Ваня Теръ-Оганянцъ, Кормице—Игорь, Ларя, Боря и Жоржикъ Хапровы, Павлуша и Шура Панченко, Деля Мѣдевичъ, Софочка Безирганова, Толя Канюка, Шура и Мила Боряевы, Бобень фонъ-Рентель и графъ Умильнъ, Шурочка и Лидокъ Сапуновы, Лиза, Соня и Сергій Сурженко, Галя Попова, Лева Оганджянцъ, Павлуша Ляховъ, Нинюся—стрекоза, Зарембская, Ляля, Зоя, Тотя и Валя Табенцкіе, Шура Можевитиновъ и Сережа Полиловъ, Анатолій и Александра Фатѣвы, Тая Мучканская, Нина,

Ребусъ № 14.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны)

Котя и Тамара Кварацхелий, Александръ Евсеевъ, Митюся, Нюся, Зина и Валя Петровы, Нина и Боря Матышевы, Лида и Надя Манасевичъ, Миша Бѣляковъ, Катя Головачева, Викторъ и Александръ Бреславцевы, Боря Развадовскій, Оля Зандеръ, Митя и Боря Кашаевы, Ирочка Зеленина, мальчишки Германовы, Лиза Кессель-

манъ, Роза и Люба Левинъ, Таня изъ Гагръ Нина Мостепаненко, Приютскія дѣти Валя, Сема, Таня и Оля, Котя и Муся Рева, Муся Зубова, Толя Кейнигъ, Вава Лобачевскій, Митя Новицкій, Зина Семисаженова, Антоша Ермолаевъ, Коля, Сергій и Сима Балдашкины, Валя и Маргарита Геючай, Петя Шестаковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

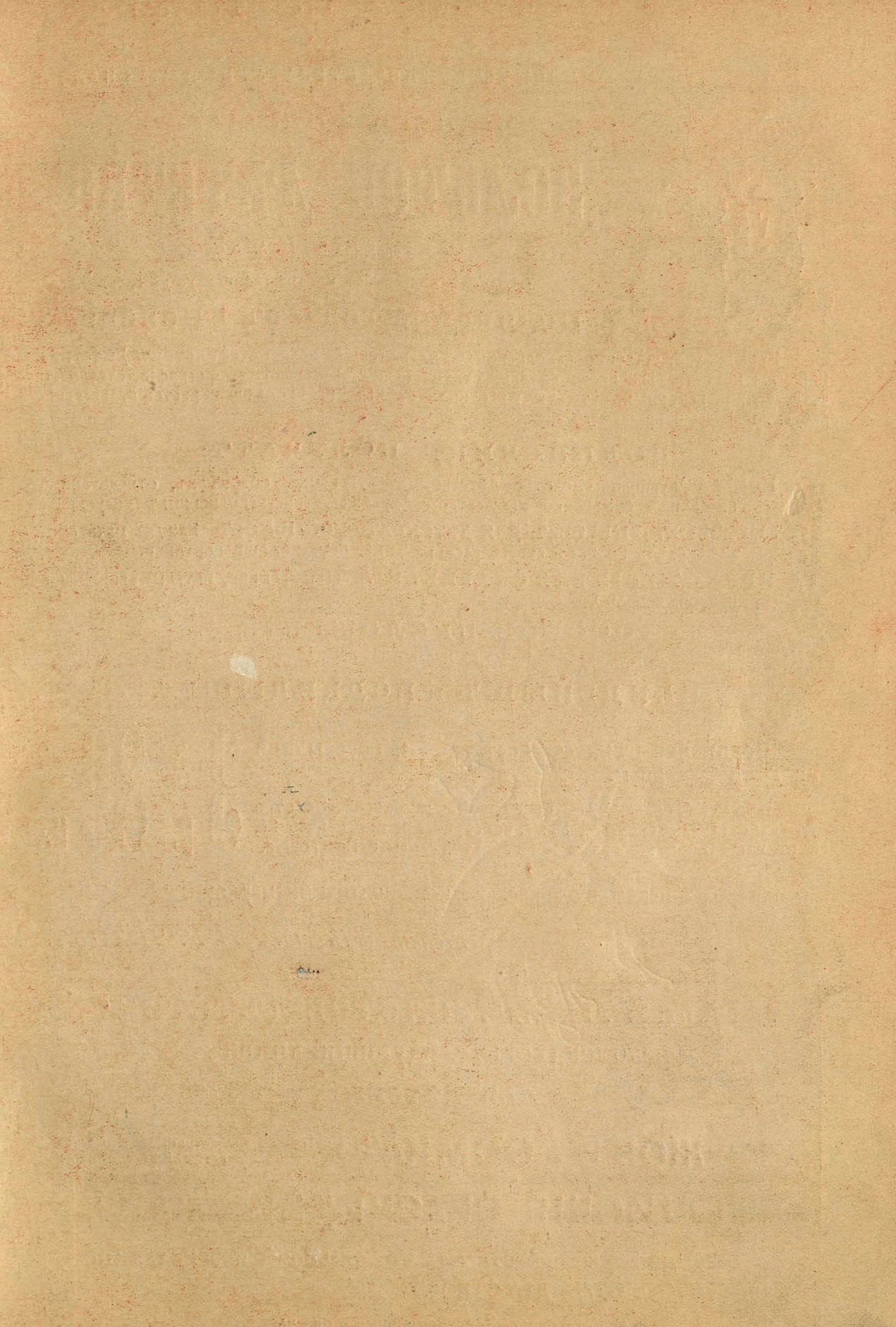
Лучшій подарокъ для дѣтей

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ въ переплетѣ по 45 коп. за экземпляръ и безъ переплета по 65 коп.).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

Подписной годъ съ 1 Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
12 ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для дѣтскихъ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ для СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“
рекомендуетъ слѣдующія книги
для дѣтей:

„ДРУЖОКЪ и ТОМКА“ Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 140 коп., съ пересылкой 55 коп.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ Съ иллюстраціями, цѣна съ пересылкой 65 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи
журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 26.